

КЛУБ ЧАСТНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ

АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВ

СЕЗОН 2

Александр Николаев

**Клуб частных
расследований (Сезон 2)**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Николаев А.

Клуб частных расследований (Сезон 2) / А. Николаев —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Герои повествований продолжают расследование необычных дел, которые то и дело подбрасывает им жизнь. В Клуб Частных Расследований дополнительно к уже известным читателю по первой книге Холмсу, Ватсону, мисс Хадсон и Библиотекарю, приняты два новых члена. Это Сыскари, которые ведут, в основном, полевые работы: слежка, сбор информации, силовое воздействие. В обновлённом составе молодые люди раскрывают тайны настоящего и прошлого, сталкиваясь с запредельными, мистическими явлениями как в окружающем мире, так и в человеческой психике.

© Николаев А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Дом у обочины	5
1	5
2	8
3	12
4	17
5	20
6	23
7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Николаев

Клуб частных расследований

Сезон 2

Дом у обочины

1

Мне не спалось. Причиной тому была луна, огромный диск которой, напоминавший застывшее в бессмысленной улыбке женское лицо, был виден через окно кабинета. Едва заметная щербинка справа не добавляла ему той прелести, какую часто придают представителям прекрасного пола незначительные отклонения от нормы, как бы подчёркивая их индивидуальность. Не случайно, видимо, в такие дни активизируются разного рода субъекты с неустойчивой психикой. Я не отношу себя к этой категории нездоровых людей. У меня крепкая нервная система, просто сказалась накопившаяся усталость. Последнюю неделю приходилось много работать, заканчивая статьи сразу для нескольких издательств, и на сон оставалось не более трёх-четырёх часов в сутки.

Вот и сегодня я сидел за столом до глубокой ночи, ленись, не стал идти в спальню, а просто прилёг, укрывшись пледом, здесь же на диване. Уснуть мне удалось практически мгновенно, но спустя какое-то время я проснулся и увидел огромную луну за окном. Вся комната была залита её призрачным, ощутимо вязким, почти липким светом. В совокупности с полным отсутствием каких-либо звуков, эта картина стала причиной непонятного внутреннего беспокойства.

Ощущение было таким, словно совсем неподалёку кто-то попал в беду и тщетно зовёт на помощь, понимая, что никогда её не получит. Мне даже явственно представилось плохо освещённое помещение без окон, свечи на стуле со сломанной спинкой, и забившийся в угол человек, закрывающийся рукой от тени, которую отбрасывает некто в длинной чёрной накидке с капюшоном, медленно надвигающийся от противоположной стены.

Потом это зрелище стало расплываться, меркнуть, и вместо него я вдруг увидел перед собой трёхэтажный кирпичный дом старой постройки, стоящий у самого края дороги. Окна его нижнего этажа были заколочены досками, на втором зияли лишённые рам пустые глазницы тёмных проёмов. В окнах третьего этажа кое-где сохранились стёкла, скрывающие за собой нежилые помещения. На их фоне в свете одинокого фонаря отчётливо были видны медленно падающие снежинки. Над входом неясно просматривался треугольный портик, внутри которого можно было разглядеть заключённое в овал женское лицо в обрамлении каких-то толстых жгутов. Улица была пуста, как это бывает глубокой ночью, и занесена снегом, в котором слабо угадывалась автомобильная колея.

Я помассировал лоб, отгоняя видение, и поднялся с дивана. В баре у меня вот уже вторую неделю стояла початая бутылка восемнадцатилетнего виски Dewar's, которую мы с Лёшкой Успенцевым открыли по случаю первого дня его отпуска. Он улетал в Алматы, куда его местные коллеги пригласили покататься на лыжах по склонам окрестных гор.

Дарья покинула нас днём раньше, отбыв в Дрезден на очередной семинар, проводимый DAAD в честь немецких колонистов, не без успеха осваивавших когда-то благодатные земли на юге Российской империи.

Мне, оставшемуся в одиночестве, ничего не оставалось, как с головой окунуться в работу, объём которой в связи с новогодними праздниками стал просто запредельным.

Благородный напиток теплом разлился за грудиной, мягко ударил в голову. Я быстро вернулся на диван и уснул, не терзаемый больше жуткими ночными видениями.

Настенные часы показывали без четверти одиннадцать, когда луч яркого солнца, пробившись сквозь щель в занавесках, возвратил меня к жизни. Трудно передать ощущение здорового выпавшегося тела. Оно было просто великолепным. Я сделал хорошую силовую зарядку, принял душ и соорудил себе роскошный завтрак, состоявший из яичницы с кусочками поджаренного хлеба, бутерброда с сыром и чашки особым образом заваренного кофе со сливками.

В окно был виден чудесный день второй половины января. Термометр показывал семь градусов мороза. В безоблачном небе сияло низкое солнце. Искрился в его лучах ослепительно белый снег. Неподалёку на набережной медленно перемещались люди, проносились машины, да под деревьями восторженно кувыркали в сугробе золотистый ретривер. Я быстро оделся и вышел из дома. Давно мне не случалось гулять в одиночестве по городским улицам, предаваясь полному безделью.

На солнце было ощутимо тепло. Расстегнув тёплую куртку, я неспешно прошёлся по набережной, не доходя до моста, свернул к цирку и решил зайти в Минору, где сегодня презентовали частную коллекцию старинных часов. Оставив справа небольшую остановку маршрутных такси, я оказался на короткой улице, ведущей к центру города. Слева она примыкала к зданию цирка, а справа виднелись несколько домов дореволюционной ещё постройки. Сюда не добралась снегоуборочная техника, и улица была укрыта довольно толстым слоем снега. Посередине её была проложена колея, по которой попеременно перемещались то люди, то автомобили.

Дойдя до середины, я услышал сзади нетерпеливый гудок и вынужден был ступить в сторону. Лексус виновато проехал мимо, я показал водителю, что всё, мол, о'кей и хотел уже двигаться дальше, когда мой взгляд случайно остановился на доме, стоявшем на углу у самой дороги. До него было не более пятидесяти метров. И что-то в нём мне показалось знакомым. В этом, с одной стороны, не было ничего удивительного, поскольку я довольно часто проезжал по этой улице. Но, с другой, сейчас я ощущал не просто обычное чувство узнавания знакомых окрестностей, а нечто большее, что вызвало ощущение нарастающей тревоги.

Дом как дом: старый, заброшенный, судя по его состоянию, по заколоченным окнам и дверью первого этажа. Я подошёл ближе. Над парадным входом сохранился слегка подпорченный временем треугольный портик, внутри которого было видно застывшее в немом крике женское лицо в обрамлении каких-то неприятных толстых жгутов. Присмотревшись, я понял, что передо мной не что иное, как голова горгоны Медузы в представлении неизвестного скульптора. Глядя на неё, создавалось впечатление, что голова слепа, поскольку вместо глаз виднелись аккуратные сферические выемки, которые не могли возникнуть случайно. «Странная фантазия была у человека, решившего украсить дом подобным изображением», – подумалось мне.

И в этот момент стало понятным, почему вид этого дома вызвал у меня неприятные чувства. Нечто подобное я уже видел сегодня ночью во сне. Мне вспомнился человек, забившийся в угол, свеча на стуле, чёрная фигура у стены. Я крайне серьёзно отношусь к способности нашего сознания предвосхищать будущее. Этот сон не мог быть случайностью. От мёртвого дома ощущимо исходили волны опасности.

Одинокая цепочка свежих следов, оставленных в снегу, огибала строение справа. Подумав, я осторожно двинулся по ним, решив осмотреть дом со стороны двора. Здесь ровный снежный покров простирался до полуразрушенных сараев, выстроившихся в ряд непо-

далёку, до новенького забора слева, призванного скрыть это убожество в центре города от глаз его жителей, и до соседнего двора, где ещё теплилась какая-то жизнь.

Следы в снегу заканчивались у чёрного входа в дом. Здесь чудом сохранилась двустворчатая дверь. Я потянул за ручку на одной из створок. Она открылась. Передо мной оказался вестибюль, в который выходили проёмы дверей из трёх квартир первого этажа. Слева была видна лестница, ведущая на верхние этажи и вниз в подвал.

В этот момент послышался приглушенный шум, чей-то возглас и на лестнице, ведущей в подвал, показался человек. На нём были надеты выдавшее виды пропылившееся тёмное пальто, шапка с опущенными ушами и солдатские ботинки. Он наткнулся на меня безумным взглядом, остановился было, но затем, пробормотав что-то невнятное, пробежал мимо и исчез за дверью. На меня пахнуло волной неприятного запаха. «Бомжик», – решил я, – интересно, что могло так сильно напугать его?»

Внутренний голос убеждал меня не делать этого, то есть не идти в подвал, где с высокой степенью вероятности можно было отыскать очередную неприятность. Однако, я, как обычно, не внял рассудку и осторожно пошёл туда, откуда только что ломанулся насмерть испуганный бомж. Единственное о чем я сожалел, так это о том, что не прихватил с собой свой травматик. Кто бы мог подумать, что он может понадобится в такой ясный солнечный день.

Прислушиваясь к тишине, я подобрал полуметровый арматурный прут, лежавший на полу вестибюля, и стал опускаться в подвал по хорошо сохранившейся лестнице. Подземная часть дома произвела впечатление своими размерами. Передо мной оказалась слабо освещённая большая комната с высоким потолком. Проём в стене справа с настежь открытой металлической дверью явно современного образца выходил в коридор, из которого, судя по всему, можно было попасть в ряд таких же скрытых в темноте помещений.

Вскоре моё зрение адаптировалось к сумраку, царящему в подвале, и я увидел в дальнем левом углу нечто, напоминающее ворох тряпок. В центре комнаты на полу, сплошь усеянном битым кирпичом, стоял старый венский стул. Точно такой же мне привиделся во сне сегодня ночью, и это не могло быть простым совпадением. Витая спинка его была частично обломана. На сидении можно было рассмотреть два оплывших огарка свечей большого диаметра. Я зажёл один из них своей зажигалкой, с которой никогда не расстанусь, и в свете колеблющегося пламени осторожно сделал несколько шагов, собираясь рассмотреть непонятный предмет в углу.

По битому кирпичу, устилающему бетонный пол подвала, очень сложно идти бесшумно. И это обстоятельство спасло мне жизнь. В тишине, царящей вокруг, я услышал за собой шорох и быстро повернулся, выставив перед собой прут. Человек в развеваемом чёрном плаще с капюшоном, который полностью скрывал верхнюю часть лица, в этот момент собирался нанести сверху удар чем-то, похожим на мачете.

Я инстинктивно парировал его, держа металлический стержень двумя руками. Нож с такой силой ударил по стали, что высек сноп искр и заставил меня припасть на колени. Незнакомец размахнулся повторно, но я, находясь внизу, сумел ударить его прутом по левой ноге. Он вскрикнул, развернулся и, хромая, бросился к проходу, ведущему к соседним комнатам подzemелья. Я бросился вслед за ним, но металлическая дверь захлопнулась прямо передо мной. Она не имела ручки и была закрыта изнутри. Все мои попытки открыть её не увенчались успехом.

Тяжело дыша от выброса адреналина, я вернулся в комнату и прошёл в угол. Верхняя тряпка, осторожно приподнятая прутом, оказалась старым измызганным пальто. Из-под неё прямо на меня смотрело бледное женское лицо с широко раскрытым ртом и пустыми глазами.

2

После моего звонка ребятам Успенцева прошло минут пятнадцать. За это время я, как мог, с огарком свечи в руке обследовал помещение, но ничего примечательного или необычного обнаружить не смог. На полу возле трупа было столько мусора, что лишь опытные сыщики могли найти какие-то следы, указывающие на убийцу. Дверь в подземный коридор упорно не хотела открываться.

Вскоре появились работники городского отдела по раскрытию убийств. Теперь подвал был ярко освещён, и около десятка людей занимались привычной рутинной работой. Я знал всех уже не первый год, и они хорошо были знакомы со мной. По этой причине мне обычно не приходилось думать о том, как получить разрешение на участие в расследовании.

– Привет, Игорь! – поздоровался Максим Лапшин, которого мой друг, будучи руководителем отдела, больше всего ценил за цепкий ум и умение видеть в мелочах то, чего не замечали другие. Всё бы хорошо, но строптивый характер подопечного не позволял ему быстро двигаться по служебной лестнице. Мы были с ним, примерно, одного возраста и симпатизировали друг другу.

– Привет, Макс! – ответил я. – Жаль, нет вашего шефа. Я чувствую, что предстоит непростая работа. Ничего, если побуду здесь?

– Да, ради Бога, Игорь! Ты же знаешь наше отношение к тебе. Но только на время пребывания твоего друга в отпуске к нам временно приставили нового начальника. Сам увидишь, что за фрукт. Вот у него и нужно спрашивать разрешение на присутствие. Кстати, я правильно понял, что это ты обнаружил труп?

– Ну да, потому, собственно, и позвонил.

– Кто-то видел тебя здесь?

– Какой-то бомж прямо передо мной выбежал отсюда, а так больше никто, насколько мне известно.

– Ночь и часть дня до этого ты провёл в одиночестве, или какой-нибудь девушке повезло, и она может подтвердить твоё алиби?

– Увы, мой друг, одиночество мой удел. И не нужно так ухмыляться, сударь! Работа для меня в настоящее время, говоря высоким стилем, и есть та единственная женщина, которой я безоговорочно предан.

– Думаю, Даша была бы рада это слышать. Но в свете последних событий и в виду отсутствия Алексея Борисовича, я не знаю даже хорошо это или плохо. Дело в том, что наш новый босс одержим желанием до возвращения Успенцева непременно раскрыть какое-нибудь громкое дело. И внутренний голос нагло подсказывает мне, что тело в углу очень неплохо подходит для этой цели. Тем более, что и подозреваемый на первый случай уже имеется.

– Даже так! – искренне удивился я, – и кто же это?

– Да ты, мой друг. Вначале ты зверски убил девушку, а затем, чтобы отвести от себя подозрение, взял и позвонил в полицию. Попробуй, докажи обратное.

Я серьёзно посмотрел ему в глаза:

– Ты шутишь, Макс?.. Если да, то это плохая шутка.

Лапшин усмехнулся:

– Да ты не смотри на меня так. Я-то ведь тебя знаю, а вот Василий Ефимович Горбунов, так зовут нашего временно исполняющего, увидит тебя впервые. Он ненадолго откомандирован к нам из соседнего отдела.

– Мои вам соболезнования! А что, презумпция невиновности в нашей державе уже не действует?

– Что ты, побойся Бога! Какие ужасные мысли! Конечно же, действует, но закрыть тебя на несколько суток, как лицо, подозреваемое в совершении особо тяжкого преступления, у него имеется. Я это не к тому, что Горбунов им непременно воспользуется. Просто хочу предупредить, чтобы ты был готов и к такому варианту развития событий.

– Спасибо, Макс. Я буду готов. Уж поверь, со мной такие фокусы не пройдут.

– Я всегда был уверен в тебе, Игорёк. А вот, кстати, и сами начальничек пожаловали.

В подвальную комнату, щурясь от яркого света ламп, вошёл невысокого роста человек лет пятидесяти в дублёнке покроя начала девяностых и высокой норковой шапке-ушанке. Выражение его лица не оставляло сомнений в том, кто здесь является главным действующим персонажем.

– Лапшин, доложите как идут дела и почему здесь находятся посторонние люди? – не здороваясь, хмуро осведомился он.

– Эксперты работают, Василий Ефимович. Пока ясно то, что девушка мертва, следов насилия на первый взгляд нет, её глаза выжжены чем-то, имеющим сферическую форму. Думаю, она могла умереть от болевого шока. А этот человек, товарищ майор, и есть тот самый журналист местной газеты, который сообщил нам о найденном трупе.

– Вот как! И что же в такой прекрасный воскресный день забыл в этом подвале журналист местной газеты?

– Об этом лучше спросить самого журналиста. Он, кстати, вполне говорящий экземпляр, – незаметно подмигнул мне Макс.

– Всё умничааете, Лапшин? – одёрнул его вошедший и повернулся ко мне:

– Так что вы здесь делали, молодой человек?

Я понял, что, если не поставить временно исполняющего обязанности Успенцева на место, то он может зайти так далеко, откуда позже всем нам не просто будет выбраться.

– Простите, с кем имею, так сказать, честь?

– Не понял... Что вы хотите этим сказать?

– Этим я хочу спросить: с кем имею удовольствие общаться? То есть, кем вы приходитеесь в этом сообществе людей, занятых сейчас раскрытием преступления?

После этой фразы лицо Макса приобрело просветлённое выражение. Человек в дублёнке побагровел, но прожитые годы не прошли даром и, на всякий случай, он не стал отвечать грубостью, как уже было собрался. Вместо этого, выдохнув воздух, он произнёс:

– Перед вами начальник отдела по раскрытию убийств, поэтому прошу вас отвечать на мои вопросы конкретно, не умничая.

– Это, как минимум, интересно! А что, майор Успенцев уже уволен? Или я чего-то не знаю?

– Майор Успенцев находится в отпуске, и его функции в настоящее время исполняю я. Зовут меня Василий Ефимович Горбунов.

– Ах, вот как! Значит вы не настоящий начальник убийного отдела, а всего лишь временно исполняете его обязанности? Теперь, слава Богу, всё стало ясно. Тогда позвольте представиться: Игорь Зарубин – журналист, как уже было замечено. Готов ответить на все ваши вопросы, Василий Ефимович.

– Тогда я повторяю: что вы делали в подвале этого заброшенного дома при такой хорошей погоде?

– Вы знаете, Василий Ефимович, в это трудно поверить, но всего лишь просто проходил мимо и случайно увидел свежие следы, ведущие сюда. Я журналист, и мне любопытно всё, что не вписывается в обычные нормы. «Зачем кому-то нужно было идти по глубокому снегу в подвал?» – спросил я себя и задался целью найти ответ на поставленный вопрос. В вестибюле дома навстречу мне выбежал человек с испуганным лицом. Думаю, что это был бомж, который искал, чем бы ему пожить в нежилом помещении.

Я опустил в подвал и обнаружил здесь нечто, лежащее в углу. Мне захотелось рассмотреть, что бы это могло быть, и не оно ли так испугало того бомжа. В этот момент на меня сзади напал человек в чёрном плаще с огромным ножом в руках. Мне удалось отбить удар арматурным прутком, который я подобрал наверху, и ударить его по ноге.

Человек убежал вон туда и запер дверь за собой. Я не смог её открыть, после чего вернулся и обнаружил под тряпками труп девушки. Это было ужасное зрелище. Я вышел наружу и позвонил в отдел. Вот, собственно, и вся история.

Горбунов недоверчиво покачал головой:

– А чем вы занимались вчера и сегодня до этой прогулки?

– Работал у себя дома над статьями. Как-то незаметно скопилась пропасть неотложных дел. Вот уже неделю приходится навёрстывать упущенное время за счёт сна и прогулок. Сегодня выдался, наконец-то, свободный день. Погода сами знаете какая, вот я и решил прогуляться, хотя уже понимаю, что это было не самое удачное решение. Уж лучше бы я спал до вечера.

– И все эти дни вы не выходили на улицу?

– Нет, не выходил.

– Но чем же вы питались?

– У меня был кое-какой запас в холодильнике.

– Да, прогулка и в самом деле получилась не самая удачная... А кто может подтвердить, что вы не покидали квартиру все эти дни?

– Не знаю... Боюсь, что никто.

Василий Ефимович, опустив глаза, задумчиво потёр шею:

– Это плохо, очень плохо...

– Отчего же, простите?

– Да оттого, что ваши слова невозможно проверить, и на настоящий момент, как не жаль мне это говорить, вы единственный человек, которого можно хоть как-то связать с этим жутким преступлением.

– Вот как! И что, для такого утверждения имеется соответствующая доказательная база?

– Нет, пока такой базы нет, но кто может поручиться, что она не появится в ходе расследования?

– Я могу поручиться, поскольку точно знаю, что не имею к этому делу никакого отношения.

Горбунов недоверчиво хмыкнул:

– Так, знаете ли, каждый может сказать...

– То есть, если я правильно вас понял, вы пытаетесь представить меня, как возможного подозреваемого?

– Не я, это обстоятельства складываются не в вашу пользу.

Мне с трудом удалось сдержать себя от желания послать этого человека куда подальше. Вместо этого, наклонившись к нему поближе, я тихо произнёс:

– Василий Ефимович, как вы полагаете, если я сделаю звонок генералу Карпинскому, это поможет вам принять правильное решение?

Горбунов недоверчиво посмотрел на меня:

– Вы знакомы с генералом?

– Даже очень близко. Так мне позвонить ему?

– Не нужно. Я ведь не утверждаю, что виновником этой трагедии являетесь вы. Это просто одна из версий, не более того.

– Спасибо. Вы, надеюсь, не будете возражать против моего присутствия здесь?

– Нет, не буду, если у вас есть такое желание. Хотя это и не по правилам.

– Василий Ефимович, нам ли с вами не знать, что правила придумывают для того, чтобы иногда их нарушать.

Наш разговор прервал Макс:

– Товарищ майор, дверь вскрыли. Вы будете смотреть, что там находится?

– Да, конечно, буду. Вы, кстати, тоже можете принять в этом участие, если хотите, – неохотно заметил он мне.

Желание у меня было, и я отправился с тремя сотрудниками и Горбуновым осматривать соседние помещения.

За дверью находился коридор длиной метров двадцать. Из него выходили двери в шесть подвальных комнат. Все они были так же запущены, как и помещение, в котором было обнаружено тело девушки. Найти выход наружу или в какое-то подzemелье второго уровня нам не удалось.

– Так что, говорите, сюда убежал напавший на вас человек? – недоверчиво уставился на меня Горбунов.

– Да, он скрылся за этой дверью.

– Ну, и куда же он мог подеваться отсюда? Это же не призрак какой-то, из числа тех, что проходят сквозь стены.

– Этого я не могу знать. Но поскольку не верю в призраков и знаю точно, что это был человек, то, скорее всего, мы просто не смогли найти выход из этого подвала. Он точно должен быть здесь.

– Но мы же вместе с вами его искали и убедились, что выхода отсюда нет.

– Значит, плохо искали: выход должен быть.

Василий Ефимович махнул рукой, но велел Максy с командой ещё раз осмотреть все помещения. Спустя час стало понятно, что исчезнуть бесследно из этих помещений мог только призрак, во что я упорно не хотел верить.

Труп девушки унесли в морг, эксперты завершили свою работу, и вся команда покинула старый дом. Мне пришлось поехать в отделение, чтобы изложить на бумаге свои свидетельские показания. Горбунов, взяв подписку о невыезде, отпустил меня, хотя по его лицу было видно, что это решение далось ему с трудом.

На улице уже было темно и заметно похолодало. Помянув недобрым словом свою карму, по хрустящему снегу я отправился домой.

3

Вечером по скайпу со мной связалась Даша. Больше часа мы болтали ни о чём, о разных мелочах. Не признаваясь в этом даже Лёшке, от которого у меня не было тайн, я скучал по своей подруге. В те дни, когда она по каким-либо причинам отсутствовала, моя работоспособность достигала небывалых высот. Таким образом я сокращал время до её возвращения. Мне не хотелось рассказывать Дарье о последних событиях, приключившихся со мной в подвале старого дома: зачем понапрасну волновать девушку. Вместо этого я спросил, кого она может рекомендовать из своих коллег, которые могли бы дать квалифицированную консультацию по истории нашего города.

– Пожалуй, – подумав, ответила она, – лучше всего по этой части обратиться к нашему Владиславу Коуну. Я сброшу позже телефон. Он помешан на городских историях, прекрасно образован. Тебе точно понравится его консультация. Кстати, не вздумай предлагать ему денег: Влад горд и обидчив до неприличия. А о чем ты хочешь спросить его?

– Пишу для нашей газеты очерк об архитектуре старой части города. Для этого хожу и фотографирую приглянувшиеся здания. Но этого, сама понимаешь, мало. Нужна история их создания, легенды, связанные с ними и с теми, кто жил в этих домах. Тогда очерк начнёт жить, станет интересен для читателей. Ну, в общем, ты меня понимаешь.

– Да, твой замысел мне в общих чертах ясен. Думаю, что Коун это тот человек, который тебе нужен.

Вскоре после этого мы попрощались, договорившись созвониться завтра. Спустя минуту на экране компьютера я увидел номер телефона своего будущего консультанта.

Уснул я не сразу, пытаясь восстановить в памяти все детали моего пребывания в подвале того жутковатого дома, где на фронтоне красовалась лишённая глаз голова горгоны Медузы. Я был далёк от мысли, что на меня напал призрак. Призраки не кричат от боли и не хромают после удара прутком по колену. Так вести себя мог только живой человек. Но куда он мог подеваться из подвала, не имеющего другого выхода? Или всё-таки запасной выход был, и мы просто не смогли его найти? Скорее всего, так и обстояло дело. Нужно непременно осмотреть подвал ещё раз. С этой мыслью я незаметно уснул.

На следующий день с утра я позвонил человеку с необычной фамилией – Коун. Он понял, что меня интересует и обещал связаться, как только у него появится информация.

На улице за ночь существенно похолодало. Столбик подкрашенного спирта в термометре опустился ниже отметки в тридцать градусов. Глядя на это, я решил закончить работу на издательства, которые хоть и нерегулярно, но всё же кормили меня, а уже завтра, когда потеплеет, если верить прогнозу, отправиться в дом с головой слепой горгоны Медузы на фасаде. Так про себя я стал называть место моих последних приключений.

Время пролетело незаметно, но к трём часам я завершил работу и отправил готовые статьи по электронной почте, ещё раз оценив это удобство современного мира.

Ближе к вечеру позвонил, как мы и договаривались, Лапшин. Он сказал, что девушка умерла вчера, примерно, в три часа ночи. Плюс-минус час, принимая во внимание температуру подвала. Эксперты полагают, что причиной смерти стал болевой шок от того, что её глаза выжгли двумя раскалёнными металлическими предметами, которые, предположительно, могли иметь форму шара. Во рту убитой обнаружено стальное упругое кольцо, которое создавало на лице впечатление застывшего крика. Её волосы были смазаны чем-то вроде бриолина и разделены на отдельные жгуты.

Девушка не была изнасилована, её не подвергали пыткам. Возраст жертвы не превышает двадцати лет. При ней не обнаружено никаких документов. Единственной приметой

является изящная татуировка в форме небольшой розы на стебле, сделанная справа внизу живота. По ней да по внешним признакам, скорее всего, её и будут разыскивать.

Я поблагодарил его и просил держать меня в курсе расследования. Мы поболтали ещё немного о погоде, о несовершенстве окружающего нас мира. Плохими словами вспомнили тех душегубов, которые бродят где-то во тьме, выискивая свои жертвы, вместе пришли к выводу о том, за какую часть тела их следует подвесить в центре городской площади, чтобы смерть в назидание им подобным пришла к ним не сразу, и распрощались.

Владислав позвонил, когда часы на камине пробили восемь вечера.

– Добрый вечер, Игорь! Извините за поздний звонок, работал по вашему запросу. Вы готовы выслушать меня?

– Да, Влад, ещё совсем не поздно, и я весь внимание.

– Мне удалось собрать информацию о здании, которое вас интересует. Как-то раньше оно не попадало в круг моих интересов. Его история действительно очень интересна. Её можно проследить по публикациям в городских газетах того времени, по данным, которые имеются в нашем архиве, что я и сделал, заполнив некоторые пробелы своей фантазией. Вас устроит таким образом построенное изложение?

– Да, разумеется устроит. Так даже интереснее, чем просто сухой перечень фактов. Надеюсь, вымысел рассказчика не затмит подлинные события?

– Нет-нет, ни в коем случае! Поверьте, история от этого не пострадает.

Итак, дом построил в тысяча девятьсотом году известный в городе купец, некто Кирилл Павлович Рогожин, для своей молодой жены. Во время бракосочетания ему было пятьдесят три года, что по меркам того времени было равносильно глубокой старости, а Олимпиаде, то есть Липочке, едва исполнилось восемнадцать. Тридцать пять лет разницы в возрасте это, знаете ли, и сейчас многие наши сограждане сочли бы некоторым перебором. Можете представить, какие разговоры шли тогда в нашем сравнительно небольшом провинциальном городе в отношении этого мезальянса.

Рогожин, судя по фотографии и описаниям, был видным мужчиной – высоким, сильным, с интересной внешностью. Им не грех было увлечься, что нередко и случалось с местными барышнями, ну, а Липочка на его фоне являла собой совершеннейшую прелесть. Так по крайней мере утверждали журналисты того времени, в красках описывая пышную свадьбу, устроенную купцом. Сама девушка была из бедной семьи местного учителя, который умер от чахотки задолго до описываемых событий, и мать вынуждена была учить языкам детей богатых родителей, чтобы прокормиться самой и растить дочь. Это нелегко даже по нынешним временам, а тогда, надо полагать, и вовсе было непростой задачей.

К этому времени купец вдовствовал, воспитывая сына восемнадцати лет. Не знаю, зачем он решил обучать его немецкому языку, но только вскоре в их доме в качестве учительницы появилась Агнесса Петровна, так звали мать Липочки. По разным причинам дочь иногда заходила к матери, чтобы сопроводить её домой после занятий. Так, надо полагать, она и познакомилась вначале с Дмитрием – сыном Рогожина, а затем и с самим Кириллом Павловичем.

Прошло несколько месяцев, и наш купец без памяти влюбился в юное создание. Не обошла стороной эта болезнь и его сына. Здесь нужно заметить, что Кирилл Павлович был весьма строг в воспитании своего чада, и тот слова не мог сказать поперёк воли отца. Поэтому, заметив страсть родителя, он постарался как можно глубже скрыть свои чувства в отношении Липочки, хотя я представляю, насколько нелегко это было сделать в его возрасте.

Таким образом, девушка оказалась перед выбором: или Митя – молодой красавец её возраста, или его немолодой, но богатый и властный отец, которого она, как и всё окружение, слегка побаивалась. Ходили слухи, что Рогожин состоит в секретном обществе каких-то каменщиков, оттого и богат так безмерно. Никто не знал, чем занимаются таинствен-

ные каменщики, но даже произнося это слово вслух, многие крестились и сплёвывали через левое плечо.

Позволю себе предположить, что Липочке нравились оба: и сын, вследствие своей молодости и доступности, и его крутой отец, чьё расположение невероятно льстило ей. Видеть, как властный мужчина становится ручным в твоём присутствии, было приятно и рождало сладостные мысли в неопытной девичьей головке.

Нравственные терзания дочери разрешила Агнесса Петровна. «Любовь, увы, проходит довольно быстро, моя дорогая, – надо полагать, сказала она дочери, когда та обратилась к матери за советом, – а при умном подходе к делу положение в обществе, подкреплённое недвижимостью и счётом в банке, остаётся навсегда. И этот фундамент должен построить для тебя твой муж. Не думаю, что это под силу Митеньке по причине его молодости.

Кирилл Павлович совсем не стар, богат и, ты же видишь, любит тебя. Так воспользуйся этим и построй своё будущее. Учти, ещё немного, и я не смогу зарабатывать даже те крохи, которые приношу домой сейчас. Подумай, что ждёт тебя, если ты остановишь свой выбор на Дмитрие, и отец вдруг решит оставить его без наследства. А с него ведь станет принять такое решение».

– Простите, Влад, этот монолог, я полагаю, плод вашего воображения?

В трубке было слышно, как он рассмеялся:

– Ну, разумеется! Хотя, согласитесь, это вполне могло быть в той ситуации. И, кроме того, мой рассказ ещё далёк от завершения, и вы вскоре убедитесь, что это отступление органично дополнит ту историю, которую я хочу рассказать. Впрочем, если пожелаете, я могу впредь и не делать подобных отступлений.

– Нет-нет, мне нравятся ваши фантазии. Скажите, я могу воспользоваться ими, если когда-то мне придёт в голову мысль придать этим событиям литературную форму?

– Да, ради Бога! Считайте, что мы уже договорились по этому поводу. Так я продолжу, с вашего позволения?

– Да, я слушаю вас.

– Одним словом, Липочка сумела принять правильное с точки зрения её матери решение и согласилась стать женой Кирилла Павловича. Как я уже говорил, свадьба была пышной, гуляли неделю, после чего молодожёны отправились в турне по Европе, которое длилось без малого год.

Как вёл себя в это время Дмитрий, история умалчивает, однако, опираясь на свой собственный опыт – мне пришлось несколько лет работать учителем истории в старших классах – думаю, что он нелегко пережил это событие. Но, слава Богу, не стал резать себе вены или стреляться, как было принято тогда в среде просвещённой молодёжи, и то хорошо.

К этому времени по инициативе предпринимателей в нашем городе открывается Высшее горное училище. Список его первых слушателей был опубликован в местных газетах и среди них значится Дмитрий Кириллович Рогожин. Такое решение было принято нашим молодым героем в отсутствие родителя и шло вразрез с планами последнего, который хотел бы видеть в сыне преемника его большого дела. Судя по всему, вернувшись из длительной поездки, отец имел крупный разговор с сыном, после чего Митя уходит из дому и поселяется на съёмной квартире. Газеты подробно комментируют факт разрыва отношений в семье Рогожиных.

В это же время начинается строительство того самого дома, который, собственно, и интересует вас. Оно было завершено через год, и Рогожин с женой в сопровождении прислуги переселяются в новые апартаменты. Детей к этому времени у них по каким-то причинам всё ещё нет. Жизнь течёт плавно, дела у купца идут успешно, хотя внутри самой империи уже активно начинают зреть ростки тех событий, которые спустя семнадцать лет приведут к её полному развалу.

Казалось бы, внешне всё хорошо, да только вдруг бесследно исчезает Кирилл Павлович. Вечером его видели за рабочим столом в кабинете, а утром он не вышел к завтраку. Кровать в спальне оказалась не разобранной, и было решено, что хозяин дома срочно отлучился по своим многочисленным делам, как это уже не раз бывало прежде.

В это время Липочка была на водах в Баден – Бадене. Вернувшись и обнаружив отсутствие мужа, она делает заявление в полицию, которая заводит дело о пропаже известного в городе человека. Судя по публикациям в газетах, было обыскано всё, что только можно было обыскать, опрошены сотни людей, но Рогожин, что называется, как в воду канул. Со временем страсти по этому поводу, как водится в случае безнадёжного мероприятия, утихают.

Липочка по истечении положенного срока входит в права наследства. В соответствии с завещанием, которое предусмотрительно оставил её муж, всё недвижимое имущество и все деньги, размещённые на счетах отечественных и зарубежных банков, теперь принадлежат ей. Небольшие суммы предназначены для выплаты слугам, которые долгое время работали на семью, а вот имя сына в этом документе даже не упоминается. Удивительно, но молодая и, казалось бы, неопытная женщина проявляет характер и уверенно берёт бразды правления хозяйством покойного мужа в свои руки. Городская общественность в восторге поёт дифирамбы молодой вдове.

Её репутация остаётся безупречной, хотя одна жёлтая газетёнка несколько раз вскользь упомянула о том, что Дмитрий Рогожин стал всё чаще появляться в доме своей мачехи. Так это было или иначе, и что происходило между молодыми людьми, сейчас уже трудно предположить. Но ожидаемого счастливого конца у этой истории так и не произошло. Более того, также неожиданно, как её муж, исчезает и Липочка. Прислуживающая девушка клялась, что ушла к себе в комнату после того, как помогла ей лечь в постель, а утром молодой хозяйки не оказалось в спальне. Весь дом был обыскан, но пропажа так и не была найдена.

Полиция снова на ногах, газеты каждый день выдвигают предположения на счёт этого события. Главным подозреваемым становится Дмитрий, однако у него обнаруживается стопроцентное алиби, и подозрения с молодого человека снимаются. Как и в случае с Кириллом Павловичем, розыск постепенно заходит в тупик.

Проходит ещё немного времени. Единственным наследником довольно большого капитала теперь становится Дмитрий Рогожин. Он наспех продаёт дело отца, выставив его на торги, в том числе несколько квартир, после чего уезжает за границу с целью продолжить учёбу в Цюрихе. Следы его надолго теряются.

При этом интересен тот факт, что отцовский дом Дмитрий не продаёт, а оставляет доверенность на его управление некоему Борису Ефимовичу Зальцеру. Тот, спустя год, решает сделать из него доходное место для людей со средним достатком. Идея сама по себе была неплоха, принимая во внимание то, как быстро разрастается город, превращаясь в Чикаго местного масштаба. Дом был слегка перестроен под несколько благоустроенных квартир, а в газетах появляются объявления, приглашающие всех желающих снять хорошее жильё в центре города.

Однако, первые же квартиросъёмщики, прожив буквально несколько дней, в испуге съезжают, утверждая, что в доме живут привидения. Это была, конечно же, совершеннейшая чушь, поскольку полицейские, продежури в доме несколько ночей подряд, ничего похожего на неприкаянные души так и не обнаружили. Однако, слухи пошли и дело своё сделали: желающих снять квартиры в проклятом доме не нашлось, хотя цена на жильё в нём была снижена до неприличия.

Кто-то из просвещённых людей посоветовал хозяину прикрепить на доме амулет, отвращающий злые помыслы. Отчаявшись хоть как-то вернуть так неудачно вложенные деньги, тот согласился, и вскоре на фронтоне дома появляется так называемый горгонеюн, то есть, попросту говоря, отрубленная Персеем, если верить мифу, голова горгоны Медузы.

Правда, почему-то со странными выемками вместо глаз. Видимо таким способом неизвестный мастер решил придать особую силу взгляду чудовища, от которого всё, на что он падал, превращалось в камень.

Ну, вот, собственно, и весь рассказ о доме, который вас интересовал. Я удовлетворил ваше любопытство, Игорь?

– Да, более чем... Влад, вы упомянули, что следы Дмитрия за рубежом теряются, но как бы не совсем. Что бы это значило?

– Где-то в двадцать первом, если не ошибаюсь, году в этом доме недолго располагался розыскной отдел местной ЧК. Возглавлял его некто Дмитрий Кириллович Шварц. Согласитесь, что-то в этом словосочетании есть общее с нашим потерявшимся во времени бывшим студентом горного училища.

– Да, что-то в этом есть... А почему этот отдел располагался в доме недолго?

– К сожалению, не знаю. Я попытаюсь раздобыть данные по этому поводу, но это будет непросто: многие бумаги того времени по разным причинам отсутствуют.

Я поблагодарил Влада за интересную историю и оперативно собранную информацию.

– Не стоит благодарностей, – ответил он, – сейчас многое оцифровано, и если знать, где и что искать, то это не проблема. Смогу найти ещё что-нибудь по этому дому, непременно сообщу.

Передавайте привет Дарье, надеюсь, он хорошо проводит время в Германии.

Мы попрощались. Мне было над чем задуматься.

4

Этой ночью сон долго не приходил ко мне. В голове постоянно возникали образы, связанные с историей дома, в который меня угораздило зайти так не вовремя. И чем больше я думал над этим, тем больше приходил к убеждению, что мы, обыскивая комнаты, что-то упустили. Не мог бесследно ускользнуть человек в чёрном плаще, не могли исчезнуть, не покидая дома, Рогожин и его жена. Где-то там должны были быть скрытые помещения, и их нужно было найти. Там должна находиться разгадка этой истории, которая, похоже, началась ещё в незапамятные времена.

С этой мыслью я и уснул, когда часы на стене напротив показывали начало второго ночи.

Следующим днём в город неожиданно пришло тепло. Последние годы такая резкая перемена погоды стала обычным явлением в наших местах. Столбик термометра за окном поднялся почти до нуля. Низкая облачность закрыла небо, а туман укутал окрестные дома столь плотной пеленой, что их контуры едва угадывались в светло-серой дымке. Я позавтракал, тепло оделся и вышел на улицу. В этот раз мой травматик лежал в кармане куртки в расчёте на любую неожиданность.

Дом с горгонейоном на фасаде возник передо мной, когда до него оставалось метров тридцать. Улица была пустынной, и я не стал огибать здание, чтобы попасть, как и в прошлый раз, через чёрный ход. Вместо этого я предусмотрительно захваченной монтировкой отогнул несколько гвоздей, которыми была зафиксирована парадная дверь, и вошёл внутрь.

В доме царил тишина, лишь под ботинками иногда похрустывали мелкие камешки да битое стекло. Я поднялся наверх, рассчитывая методично осмотреть помещения, начиная с чердака. Здесь на полу кое-где лежал снег, нападавший сквозь прохудившуюся крышу. Он был нетронут, сюда явно давно уже не ступала нога человека. Чердачное помещение располагалось по всей длине дома. Перечёркнутое стропильными балками, оно производило какое-то гнетущее впечатление.

С пистолетом в руке я обошёл все его закоулки, но ничего интересного не обнаружил. Остатки мебели, несколько связок старых учебников, комод без крышки с выдвинутыми пустыми ящиками. Всё это в пыли и паутине.

Моё внимание привлекла только каминная труба. Ещё в прошлый раз я заметил, что она пронизывает все три этажа здания, имея изначально на каждом выход в отдельный камин. Она имела в поперечнике прямоугольное сечение с размерами, примерно, два метра на полтора. Сами каминные проёмы на двух нижних этажах уже давно были заложены кирпичом, оштукатурены и сейчас представляли собой просто нелепые выступы в комнатах, не несущие никакой функциональной нагрузки.

На верхнем этаже камин, как ни странно, сохранился. Нетронутыми оказались даже стёкла в окнах этой комнаты, а покрытое тонким слоем пыли и грязи центральное окно в ней, имеющее непривычное сводчатое очертание, всё ещё украшал витраж из цветного стекла. Присмотревшись, на нём можно было даже разобрать подобие какой-то фигуры в рост человека со светлым венчиком вокруг головы. У дальней стены был виден стол, накрытый газетами, и три стула около него. «Пристанище бомжей», – подумалось мне.

Я заглянул внутрь камин, протянул руку. Здесь в направлении снизу вверх ощущалось слабое движение воздуха. На колосниках виднелся свежий пепел от сгоревшей бумаги. Видимо кто-то пытался развести здесь огонь, но по какой-то причине так и не довёл это дело до конца.

Я опустил в подвал и прошёл в помещение, которое по моим расчётам должно было находиться под камином. Каково же было моё удивление, когда и здесь я обнаружил пря-

моугольник каминной трубы. С правой стороны её пылинки в воздухе кое-где двигались по направлению к кладке, что тоже было необычным, поскольку слева такого эффекта я не заметил.

С огоньком зажигалки я внимательно обследовал этот участок стены и пришёл к выводу, что в этом месте должно быть хорошо замаскированное отверстие достаточно большого размера, примерно, метр на метр. Я вначале осторожно, а затем сильнее нажал в центре предполагаемого квадрата, и массивная часть стены удивительно легко ушла глубоко внутрь, открыв канал дымохода. В свете фонаря видны были скобы, идущие вниз и вверх. Пыль на нижних скобах была стёрта. Ими явно пользовались недавно. Теперь мне стало ясно, каким образом мог исчезнуть из подвала человек в чёрном плаще.

Я постоял в задумчивости, глядя на тёмное отверстие в стене, и вынул телефон.

– Привет, Макс!

– Привет, Игорь! Интересно, что заставило тебя звонить в такую рань?

– Ну, во-первых, двенадцать часов не такая уж и рань, если говорить откровенно, а во-вторых, я сейчас нахожусь в подвале известного тебе дома и вижу перед собой проём в стене, куда мог проследовать человек, напавший на меня. Стою вот и думаю: идти туда одному или дожждаться прихода одного из наиболее квалифицированных сыщиков нашего города?

– Игорь, я тебя прошу, дождись меня. Пять минут, и я буду рядом.

– Хорошо, Макс, я жду.

Пока Лапшин был в пути, я попытался найти механизм, возвращающий заслонку на место, но так и не смог его обнаружить. Видимо, сделать это можно было только изнутри. Вскоре в темноте подвала раздались шаги и, шурясь от света моего фонаря, появился Макс.

– Ну, показывай, что здесь у тебя.

Я молча показал на отверстие в стене. Он по пояс наклонился внутрь каминной трубы, что-то осмотрел там и снова принял исходное положение:

– Молодец, Игорь! Я и сам уже решил про себя, что здесь определённо должен быть какой-то тайный ход, поскольку не мог не доверять твоим словам. Что будем делать? Эта штука как-то фиксируется снаружи?

– Не знаю, но, похоже, что нет. В соседней комнате я видел обрезки труб. Ими можно заблокировать заслонку.

– Точно, давай так и сделаем. Меньше всего хочется быть замурованным где-то там внизу.

– Не страшно, хотя и неприятно. Дело в том, что на третьем этаже сохранился камин. Можно было бы в таком случае выбраться через него.

– И всё же давай подстрахуем себя, чем черт не шутит.

Мы принесли два подходящих отрезка металлической трубы и вставили их в качестве распорок между заслонкой и кирпичной стеной камина.

– Ох, и испачкаю же я свой прикид, – посетовал Лапшин и первым проник в отверстие. Я последовал за ним. Опустившись по металлической лестнице метров на пять, мы оказались в довольно большой квадратной комнате, стены которой были выложены тёмно-красным кирпичом. У дальней стены её стояло подобие небольшой трибуны, а перед ней с десятков массивных стульев с высокими спинками. Всё это было покрыто тонким слоем пыли.

Вправо из комнаты уходил в темноту узкий, но довольно высокий тоннель, по которому даже я при моём росте мог идти, не сгибаясь. Единственными примечательными предметами на левой стене были два бронзовых держателя с остатками факелов, прикрепленные по её краям на высоте человеческого роста. Выполнены они были в виде человеческих голов с широко открытым ртом, куда вставлялись факелы, и торчащими вперёд завитыми бородами. Каждое бронзовое изделие прикреплено к стене массивными винтами. Над ними на стене всё ещё были видны следы копоти.

Обследовав помещение и не найдя в нём ничего такого, что было достойно внимания, мы осторожно пошли вдоль тоннеля. Я шёл первым, Макс – за мной. Тоннель был сухим, и воздух в нём не казался застоявшимся. Метров через сто он закончился колодцем, в котором была видна металлическая лестница, ведущая наверх, откуда пробивался слабый дневной свет. Я поднялся по ней и оказался внутри невысокого бетонного оголовка, какие обычно сооружают для вентиляции бомбоубежищ. Небольшая металлическая заслонка плотно закрывала вход извне. Лезвием перочинного ножа я приподнял щеколду, и она легко отворилась внутрь какого-то захламлённого помещения.

Через распахнутую дверь я не сразу узнал внутренний двор расположенного неподалёку ресторано-гостиничного комплекса, выстроенного на основе восстановленных старых зданий, возраст которых был, примерно, тот же, что и у дома с головой Медузы. Оголовок, судя по всему, располагался в старом сарае, служившем складом для ненужных вещей. Я закрыл дверь, тем же ножом вернул на место щеколду и опустился к Макс, который ждал меня внизу.

– И что там?

– «Царицын дворик» знаешь?

– Да, кто же его не знает.

– Так вот, оголовок этого колодца находится, насколько я понял, в каком-то заброшенном сарае на его заднем дворе. Через него и осуществляется вентиляция тоннеля, а заодно и камина.

– Удобно: пришёл, ушёл и никто не обратит на тебя особого внимания. Что делать будем?

Я задумчиво осветил фонарём тоннель:

– А давай-ка, друг Макс, ещё раз внимательно осмотрим это подземелье. Беспокойный внутренний голос подсказывает мне, что мы снова прошли мимо чего-то важного.

– Серьёзный довод, зная твою удачу. Хорошо, давай ещё раз аккуратно всё обследуем. Теперь мой черёд идти впереди, а ты дублируй меня сзади, на случай, если я что-то пропущу.

– Хорошо, идём.

Мы безрезультатно ощупали каждый сантиметр тоннеля, и незаметно вновь очутились в комнате под каминной трубой.

– Если что-то и есть здесь, то только в этом помещении, – задумчиво произнёс Макс, – будь внимателен. Давай поступим так: ты иди вправо, а я влево. Встретимся у задней стены.

Я осматривал все швы кирпичной кладки, время от времени проверяя её прочность толчками ладоней. Макс, увидев это, стал тоже проверять стены на прочность. К противоположной стене мы пришли одновременно. Макс скептически усмехнулся и отошёл в сторону:

– Ну что, сударь. Похоже, мы снова в пролёте.

Уже совершенно не надеясь на удачу, я взял ближайший ко мне держатель для факелов за выступающую в форме ручки бороду и потянул на себя. Бронзовое изделие удивительно легко отделилось от стены, потянув за собой три коротких штыря. Раздался приглушенный звук, и часть массивной кладки размером с дверь вместе с факелодержателем плавно ушла куда-то внутрь. Я едва успел отдернуть руку. Перед нами открылся проход в ещё одно тайное помещение.

5

– Обрати внимание, – задумчиво произнёс Макс после того, как мы тщательно обследовали вход, – толщина этой двери сантиметров семьдесят, не меньше. Примыкает она к стене так плотно, что следа не остаётся, открыть её можно только снаружи. Хорошие мастера трудились над тайником. Интересно, какая причина заставила хозяина дома строить такое сложное подземелье?

– Не знаю... Хотя в своё время ходили слухи, будто бы купец, которому изначально принадлежал этот дом, якобы являлся членом закрытой секты каменщиков.

– То есть был масоном?

– Ну да, получается так. Кто знает, может они в этом помещении устраивали свои тайные вечеринки. А что, взгляни, места здесь достаточно, приходиться можно разными путями, уходить тоже. К тому же есть трибуна и стулья для слушателей. Не просто же так они стоят здесь? Так что, идём внутрь?

– Идём, выбор у нас небольшой. С масонами позже разберёмся. Только давай парой стульев всё же подопрём дверь. Мне по-прежнему не хочется быть замурованным в этом подземелье.

Я захватил два стула, оценив по ходу их тяжесть и крепость. Их мы и поставили по краям между каменной дверью и стеной. Убедившись, что меры предосторожности приняты, Макс шагнул вперёд, я последовал за ним. За дверью, которая, как выяснилась, перемещалась с помощью противовесов взад-вперёд на металлических направляющих, находилось помещение меньших размеров, чем предыдущее, но скрывало оно совсем иные секреты.

Лучи наших фонарей остановились вначале на шести скелетах, аккуратно лежащих в ряд у дальней стены. Остатки истлевшей одежды, обуви, оскаленные черепа. Справа от нас на двух низких деревянных помостах находились ещё два скелета. Один, тот, что побольше, принадлежал, очевидно, мужчине, другой, поменьше, – женщине. Об этом можно было судить также по остаткам волос и одежды.

– Кошмар какой, – хрипло произнёс Макс, – что за склеп? Кто это всё устроил?

– Да, есть соображения, – ответил я, рассматривая лежащие справа останки. – Боюсь ошибиться, но перед нами, скорее всего, бесследно исчезнувшие в начале прошлого века хозяин этого дома, некто Кирилл Павлович Рогожин, и его жена. Уверен, что те шестеро у стены оказались здесь лет на двадцать позже. Потом я расскажу тебе историю этого дома.

– Смотри, здесь что-то нацарапано на стене.

У помоста, на котором лежал скелет, принадлежащий мужчине, пряжкой от ремня было нацарапано несколько слов: «За что?» и чуть ниже «За то!». Сама пряжка лежала здесь же у стены.

– Что скажешь? – спросил Макс.

– Скажу, что это только подтверждает мои догадки. Дмитрий это сын Рогожина, и всё, что ты видишь здесь, я уверен, его рук дело. Думаю, что искать того, кто убил девушку, нужно, принимая во внимание всё, что мы видим сейчас.

– Я не успел сказать тебе, что мы уже ищем героя этой пьесы. Ещё вчера по всем больницам разослано предупреждение о том, куда следует сообщить, если к ним обратится мужчина любого возраста по поводу свежей травмы левого колена, нанесённой ударом металлического прута. Ты ведь серьёзно задел его?

– Думаю, да. У меня есть кое-какие соображения обо всей этой истории. Расскажу чуть позже. Ну что, Макс, уходим?

– Да, идём. Здесь плохая связь, а мне нужно сейчас же позвонить в отдел, чтобы выехали эксперты. Нужно будет внимательно осмотреть это подземелье.

Мы вышли из комнаты. Я потянул на себя ручку, стилизованную под бороду, и часть стены без особых усилий вернулась на место. Перед нами снова была монолитная кладка без малейшего намёка на скрытое за ней помещение.

– погоди, – Макс направился к левой части стены, – может за этой штуковиной тоже прячется потайная комната.

Он потянул за факелодержатель, за стеной раздался тот же невнятный шум, и часть стены плавно ушла внутрь. Лапшин, показав жестом, чтобы я оставался на месте, шагнул внутрь, но спустя несколько секунд вернулся назад, зажимая нос. До меня тоже донёлся ни с чем не сравнимый запах разлагающейся плоти.

– Что там, Макс?

– погоди, сейчас закрою эту чёртову дверь.

Вскоре каменная заслонка вернулась на место, и к Максиму вернулась возможность говорить:

– Это, брат, кошмар какой-то! Там два женских трупа. Думаю, что это твой незнакомец порезвился здесь. Идём отсюда, хорошо, что ты не видел эту жуть.

– погоди, а разве пропавшие души человеческие это не по вашей части?

– Нет, этим занимается соседний отдел. Правда, как только они находят пропажу, так дело, как правило, попадает к нам по той причине, что пропадают эти души чаще всего не по своей воле. Думаю, что нас вскоре ожидает ещё один стопроцентный висяк. Уже сейчас сочувствую своим коллегам.

Мы поднялись наверх. Я выждал, пока Лапшин созвонится с начальством, а потом вкратце изложил своему партнёру историю дома с горгонейоном. Выслушав, Макс покачал головой:

– Чудны дела твои, Господи! Это первое, что приходит мне в голову. Ты хочешь, сказать, что сын, лишив жизни отца как последний варвар, пытался таким образом вернуть утраченное расположение девушки? И что, не добившись желаемого результата, он отправил в темницу и её тоже?

– Да, я думаю, что так и было. Хотя, конечно, некоторые сомнения всё же остаются. Например, как он мог справиться с отцом, который, судя по описаниям, был совсем не слабый мужчина? Впрочем, сам же и отвечаю: имея определённый склад ума, можно было запросто подсыпать что-нибудь в еду или питьё. Тебе ли не знать, как часто за внешне приличным и тихим человеком, который кажется и муху не способен обидеть, кроется самый мерзкий убийца. Ты вспомни, сколько времени искали печально знаменитого Чикатило.

Такое могло иметь место и в этом случае. Пацан втайне любил свою молодую мачеху, о чём мог подозревать отец, который по этой причине скорее всего лишил его наследства. Студент не выдержал и грохнул отца, которого, весьма вероятно, втайне ненавидел за тяжёлый деспотический характер. На этой скользкой тропе, главное, решиться и сделать первый шаг. Потом будет проще, особенно, если это первое преступление так и останется нераскрытым.

Затем, я думаю, случилось то, что молодая вдова отказала в близости молодому человеку. И, кто знает, может она к этому времени стала догадываться о том, кто виноват в исчезновении её мужа. Сейчас по этому поводу можно только строить догадки. Но, скорее всего, именно эти обстоятельства и стали причиной её смерти.

А наш студент со временем стал наследником немаленького состояния, быстро всё распродал и слинял за границу для продолжения учёбы в более престижном швейцарском университете. Кстати, Европа тогда, как ни странно, была рассадником коммунистических идей о всеобщем равенстве и братстве. Вот и конец первой части нашей истории.

– Спасибо, Игорь, за рассказ. Откуда такая интересная информация?

– Да есть у меня один знакомый человек, работает вместе с Дарьей. Он восстанавливает историю нашего города в мельчайших подробностях. От него и узнал всё это.

– А ты обратил внимание на то, что рядом с теми двумя не было ни мисок для еды, ни посуды для воды. Я думаю, что они обречены были умереть голодной смертью в абсолютной темноте. Представляешь этот ужас? В особенности для молодой барышни, которую, наверное, этот подонок поставил в известность о том, что разлагающийся труп на соседнем помосте принадлежит её мужу.

– Да, боюсь, что так и было.

– А что за вторая часть этой истории?

– Мой историк сказал, что по его сведениям в двадцатых годах в этом здании непродолжительное время располагался один из отделов губернской ЧК. Руководил им некто Дмитрий Кириллович Шварц. Тебе ни о чём не говорит это?

– погоди, если не ошибаюсь, ты упоминал, что такие же имя и отчество были у сына Рогожина? Хотя, правда, фамилия иная.

– И что? В те годы поменять фамилию было не трудно. Ты вспомни, Макс, наших революционеров, не к ночи будь помянуты. Практически все они свои партийные клички позже превратили в фамилии. Почему бы и Рогожину не стать Шварцем?

– Логично, вполне могло так и произойти. И теперь становится понятным, откуда те пять трупов у стены. Наверняка, это его рук дело. Ладно, не будем гадать. Я только попрошу тебя связаться с твоим историком и попросить его изложить эту историю детально, подкрепляя, по возможности, копиями документов того времени.

– Хорошо, думаю, он это сделает. Кстати, это и мне будет полезно для работы.

– Ещё бы! Такая история, пальчики оближешь. Не забудь экземпляр журнала презентовать, писатель.

– Можешь считать, что договорились. Да, всё забываю спросить, а личность девушки не установлена?

– Отчего же, сударь, очень даже установлена. Это некто Светлана Подольская – студентка третьего курса одного из наших университетов. Очень помогла её татушка на животике. Опознали девушку практически через день вначале соседки по комнате в общежитии, а потом и родители. Она сама из соседнего города. Сейчас изучаем окружение жертвы: друзья, преподаватели, завсегда и стрип-бара, где она выступала по вечерам.

– Так она была танцовщицей?

– Да, была. Не вижу в этом ничего зазорного. Времена сейчас непростые, сам знаешь, каждый ищет возможность заработать, как может. Она могла таким образом. И это совсем не повод убивать её, да ещё таким извращённым способом.

– Макс, не напрягайся, я нисколько не осуждаю девушек, танцующих у шеста. Более того, даже испытываю удовольствие, глядя на них. Ты только не вздумай заложить меня Дарье. А за твою лояльность по отношению ко мне в качестве бонуса хочу подсказать следующее: нужно попробовать найти связь предполагаемого убийцы со Шварцем. У вас же в ведомстве, насколько мне известно, есть хорошие базы данных. Кто знает, вдруг это поможет!

– Хорошо, Игорь, ты прав, мне тоже приходили в голову подобные мысли. Я поставлю задачу и коллегам из отдела пропаж, и аналитикам. А вот, кстати, и наши эксперты подошли, идём встречать.

6

У входа послышался шум голосов, и в фойе вошли сотрудники отдела по раскрытию убийств во главе с Горбуновым, который, как всегда, был не в духе. Увидев меня, он помрачнел ещё больше:

– Здравствуйте! Не могу сказать, что рад вас видеть. Какие ещё неприятности могли произойти здесь?

Я коротко поздоровался, а Макс, едва заметно улыбнувшись, произнёс:

– А вот мы рады вас видеть, Василий Ефимович! И у нас есть новости, в том числе и хорошие. Позвольте доложить?

– Судя по вашей фразе, надо полагать, что наряду с хорошими новостями есть и плохие. Не знаете, почему я не удивляюсь? Докладывайте, капитан.

– Василий Ефимович, присутствующему здесь уже хорошо известному вам журналисту Игорю Зарубину удалось найти замаскированный лаз в подzemелье. После этого он позвонил мне, и мы уже вдвоём спустились вниз. Там нами обнаружили помещение, похожее на актовый зал, из которого был проложен тоннель во двор соседнего ресторана. Таким образом, стало понятно, каким образом мог уйти из подвала тот неизвестный мужчина, который напал на Зарубина.

Кроме того, мы нашли ещё две тщательно замаскированные комнаты. В одной из них находятся останки людей: шесть скелетов в одном месте и лежащие отдельно один мужской и один женский. Это очень старые останки. У журналиста, кстати, есть интересный материал по этому поводу. А вот в соседней комнате лежат два довольно свежих, если можно так выразиться, трупов. При беглом взгляде на них мне показалось, что когда-то они были женщинами. После этого я позвонил вам. Вот, собственно, и всё.

Временно исполняющий обязанности начальника отдела задумчиво прикусил губу:

– А вы знали, господин Зарубин, что самовольно проникать на место преступления незаконно?

– Конечно, знал, но не смог удержать естественный порыв души.

– И как вы полагаете, не совершил ли я ошибку, не воспользовавшись своим правом изолировать вас от общества дня на три и более?

– Думаю, что нет. Иначе мы не стояли бы сейчас здесь, и у нас не было бы возможности приблизиться к раскрытию ещё одной тайны. И поверьте на слово, после того как я изложу письменно всё, что мне стало известно по этому поводу, то вам, Василий Павлович, будет о чём рассказать начальству.

Горбунов недоверчиво посмотрел на меня, но развивать дальше предположения в отношении моего криминального будущего не стал.

– Ну, хорошо, завтра я жду объяснительную записку на моё имя, в которой будет подробно изложено всё, что вы знаете. А сейчас извольте удалиться, Лапшин сам покажет, что вам удалось здесь найти.

Макс незаметно подмигнул мне и показал жестом, что не стоит пререкаться с начальством, которое находится в привычно плохом настроении. Я попрощался и направился к выходу.

На улице у самого дома чей-то «ланос» снесло с дороги в сугроб, и водитель безуспешно пытался выбраться из снежной западни. Я жестом показал ему, что помогу и упёрся руками в капот. Машина качнулась несколько раз взад-вперёд и выскочила на асфальт. Её задние фонари синхронно мигнули, благодаря за помощь, и «ланос», фыркнув двигателем, исчез за поворотом.

Часам к пяти я лежал на диване в кабинете, заложив руки за голову. За окном давно угас январский день, сменясь вначале сумерками, а затем вязкой темнотой ночи, которую тут же рассеяли фонари, стоявшие вдоль набережной.

Вспоминая недавние события, я стал думать о доме, где всё это происходило, о чертовщине, связанной с ним, о таинственном убийце в чёрном плаще. Возникло немало вопросов по этому поводу. Откуда ему было известно о подземелье? Что за ритуал он исполнил, убив девушку? Почему вернулся на место преступления, и почему не боялся привидений, которые, если верить моему историку, регулярно посещали это злополучное здание? С какой целью, вообще говоря, оно было построено, принимая во внимание такую сложную его подземную часть? Вопросов было много, и я пока не представлял, где искать на них ответы.

Спустя час позвонил Лапшин. Он сказал, что бригада покинула здание, выполнив все необходимые действия. Те останки двух людей справа, которые мы обнаружили в подземелье, действительно принадлежали Рогожину-старшему и его жене. Об этом свидетельствовали некоторые сохранившиеся детали: нательные крестики, кольца, визитка. Остальные шесть скелетов идентифицировать пока не представлялось возможным, но этим будут заниматься, хотя надежды на успех практически нулевые. Единственное, что удалось установить точно по остаткам одежды, так это то, что два из них мужские, а четыре – женские.

Трупы в соседнем помещении принадлежат молодым девушкам. Способ умерщвления схож с тем случаем, который уже находится в работе. Убиты девушки сравнительно недавно, не более полугода назад. Похоже, скоро работы в отделе станет намного больше.

Здание опечатано, входы в него перекрыты, завтра следствие будет продолжено.

По голосу чувствовалось, что Макс устал. Мы попрощались, и договорились встретиться завтра.

Телефон Влада был вне зоны действия. Я отправил ему сообщение, просмотрел почту и от скуки стал листать сайты, в которых рассказывалось о привидениях. Сомнительного качества фотографии, рассказы, в которые трудно было верить, заумные рассуждения о неприкаянных энергетических сущностях вскоре утомили меня, и я не заметил, как уснул.

Спал я недолго, минут тридцать – сорок, не более. И снился мне всё это время третий этаж дома, тот самый, на котором сохранился камин. Была ночь. Я отчётливо видел погружённую в полумрак комнату, стол, стулья вокруг него. Через окно с цветным витражом на пол падал яркий лунный свет, в котором плясали невидимые пылинки. Что-то должно было произойти, я знал это, но пятно света едва заметно перемещалось ко входу по мере движения ночного светила, но ничего так и не случилось.

Сон прервался от звонка телефона. Неожиданно нашёлся Влад Коун. Оказывается, он просто не заметил, что аккумулятор в телефоне разрядился, потому и был вне зоны доступа.

– Что случилось, Игорь? Вам удалось узнать что-то новое об этом доме с головой слепой Медузы?

– Да, кое что есть. Вы, случайно, не знаете, кто его проектировал и строил?

– К сожалению, нет. В нашем архиве такая информация отсутствует. Я продолжаю поиск, но думаю, вероятность успеха близка к нулю. А что не так с этим домом? Там произошло нечто из ряда вон выходящее?

Я поколебался немного, не зная, стоит ли посвящать Влада в эту ещё неоконченную историю, но, подумав, решил, что такую иголку вряд ли можно будет долго оберегать от общественного мнения, и рассказал о событиях, произошедших за последние дни, включая свои мысли на этот счёт. Мой невидимый собеседник выслушал, не перебивая, а затем сказал:

– Суровая история, должен заметить. Думаю, вы правы в своих предположениях, не смотря даже на то, что всё произошедшее имеет более чем столетнюю давность. Между убийствами, совершёнными в начале прошлого века, и нынешними лежат революция,

войны, перестройки общества. Много потерялось в связи с этим. Но лично мне кажется очевидным, что тот, кто убивал девушек в настоящее время, определённо был знаком с тем самым господином Шварцем, сведения о дальнейшей жизни которого отсутствуют. Возможно, их связывали близкие отношения. Иначе, зачем ему делиться с кем-то своими, скажем прямо, мрачноватыми секретами?

Тайна подземелий дома с головой горгоны Медузы этому человеку была, насколько теперь мы знаем, хорошо известна. А вот откуда сам Дмитрий Рогожин узнал её, мы вряд ли когда узнаем. Да это и не столь важно теперь. Сейчас главное состоит в том, чтобы найти мерзавца, убивающего девушек в наше время.

Мне кажется очевидным, что им должен быть некто, одержимый какой-то манией, чего-то добывающийся той невысказанной жестокостью, с какой он убивает. Зачем он выжигает им глаза? Вы представляете, Игорь, какая это должна быть запредельная боль? Лично я боюсь даже помыслить об этом. Нет, этот человек явно болен психически, и в основе болезни должна быть причина, очень серьёзная причина. Вы поразмышляйте над этим, а я поищу в наших архивах, не происходило ли нечто подобное раньше.

Я обещал подумать, и мы расстались, договорившись созваниваться по мере поступления информации.

Время после нашего разговора тянулось ощутимо медленно. Затем был короткий звонок от Даши. Она сообщила, что скучает, но сейчас слушателей курсов ведут в театр, поэтому целует и прощается до завтра.

Я никак не мог понять, что не даёт мне покоя, мешает сосредоточиться, пока не понял, что это отголоски того сна, который неожиданно пришёл ко мне несколько часов назад. Картина пустой комнаты в заброшенном доме отчётливо всплыла в памяти: стол, стулья, лунный свет, падающий через окно с мозаикой. И ожидание непонятно чего...

Часы на стене показывали без четверти девять. Я поужинал, тщательно вымыл посуду, заварил кофе в маленькой керамической турке. С чашкой в руках хорошо думается. На улице снова стало холодать. Стрелка барометра упорно перемещалась вправо, обещая мороз. Лунный диск за последнюю пару дней приобрёл идеально круглую форму. Исчезла щербинка на его краю, и свет от этого стал ещё более ярким. На противоположном берегу заснеженной реки отчётливо были видны выстроившиеся в шеренгу дома.

Неожиданно для себя я встал, тепло оделся, словно собирался ночевать в зимнем лесу, и вышел из дома, когда часы пробили девять вечера. В кармане, согретый теплом ладони, лежал травматик. Пули в нём были изготовлены из плотной резины чёрного цвета. При правильной стрельбе они могут остановить довольно массивного противника. В левом рукаве дублёнки находилась плоская монтировка.

Я обошёл по кругу дом с горгонеином и убедился, что мороз сделал своё дело: прилегающие улицы были безлюдны. Холодные звёзды украсили края ночного неба. Луна за это время поднялась выше над горизонтом и, казалось, увеличилась в размерах. Примерно, около десяти я с помощью монтировки открыл парадные двери и проник в дом.

Внутри здания стояла тишина, и пахло пылью. Под ногами негромко хрустели кусочки битого стекла, кирпичей. Я осторожно поднялся на третий этаж. Центральная комната с сохранившимся камином была довольно ярко освещена лунным светом, падающим через окно с витражом. Я взял один из стульев с сохранившейся тканевой обивкой и расположился в дальнем углу. Теперь с двух сторон мой тыл прикрывали стены, а вся комната была отчётливо видна, словно на ладони. С пистолетом в руке я устроился удобнее и замер в ожидании сам не знаю чего.

Время медленно двигалось к полуночи. В помещении было не так холодно, как на улице, но мороз всё же ощущался, и чем дальше, тем сильнее. Спустя почти два часа я понял, что мои предчувствия чего-то необычного в этот раз были ложными. В комнате ничего не

происходило. И только пятно света на полу медленно перемещалось по направлению к окну вслед за движением луны по небосводу.

Во всём теле уже чувствовался лёгкий озноб. Я решил, что ожидание чуда откладывается на неопределённый срок и пора уходить из этой обители печали, но в этот момент в лунном свете стало медленно формироваться нечто призрачное, постепенно принявшее форму человека. Озноб, но уже иного рода, холодной волной прошёлся по коже головы и скатился вниз, к рукам, судорожно сжимающим сидение.

Вскоре мне показалось, что возникший на моих глазах фантом повернулся и стал смотреть в мою сторону, но потом понял, что это не так. В лунном пятне ближе к окну возникло ещё одна фигура, поменьше и светлее. Она приблизилась к первой, и они соединились, как бы обняв друг друга. Боясь вздохнуть, я смотрел на эту картину и даже не вспомнил о пистолете, зажатом в руке.

Спустя короткое время лунный свет стал слабеть, и слившиеся в единое целое призраки померкли, их очертания потеряли чёткость и вскоре они исчезли. В комнате стало темно.

Я решил, что с меня на сегодня достаточно адреналина, перевёл дыхание и поднялся со стула. Застывшие ноги и руки повиновались с трудом. Проходя мимо окна, я остановился и посмотрел на витраж. При определённой фантазии на фоне более светлого неба в нём можно было разобрать человеческую фигуру, правда, одну, а не две, как мне только что показалось. «Ерунда какая-то, – подумал я, – «игра света, прошедшего через стекло», – и отправился домой, представляя, как ложусь в ванну с горячей водой и слоем пены на поверхности.

Спустя час я уже лежал в постели, до подбородка укрывшись тёплым одеялом. Настольную лампа всю ночь оставалась включённой. Было как-то не по себе, спалось урывками. До самого утра меня не покидало ощущение вздыбленных от страха волос на затылке и холода, волной прокатившегося по телу, при виде призрачных силуэтов, возникших из лунного света.

7

Человек в неприметном «ланосе» цвета болотной тины заметил людей, входящих и выходящих из его дома. В поле зрения попали также стоящие неподалёку машины полиции с мигалками. Стало ясно, что совершить очередной обряд в скором времени не удастся, и тогда, возможно, бессмысленной становится его первая часть, поскольку сам он не в полной мере ощутил ожидаемый от Процедуры эффект. А ведь как хороша была новая избранница! И как похожа на его прабабку, Царствие ей небесное. Хотя, в его распоряжении есть неделя-другая. За это время многое может измениться.

Человек по колее среди сугробов медленно проехал мимо здания, которое считал своим, и решил свернуть влево к центру города. Случайно нога, лежащая на педали газа, дрогнула, машину занесло, и она влетела в сугроб. Выругавшись про себя, человек стал раскачивать автомобиль взад-вперёд, пытаясь выехать из глубокого снега, но от этого он только зарывался ещё глубже. В этот момент из дома вышел молодой человек. Оценив ситуацию, он сделал знак рукой, и, упёршись руками в капот, стал в такт раскачивать машину. Вскоре ланос выскочил из снежного плена, водитель благодарственно мигнул задними фонарями, аккуратно нажал на педаль газа и исчез за поворотом.

Человек жил в небольшой двухкомнатной квартире, которая досталась ему случайно от хозяйки, у которой, будучи студентом, ему пришлось снимать комнату. Это было на четвёртом курсе. Владелица квартиры, будучи немолодой и совершенно одинокой, вдруг слегла от болей в правом боку. Врачи диагностировали цирроз печени и сказали, что ухода больной в лучший мир следует ожидать через месяц, другой.

Студент, испытывавший к беспомощной женщине самые добрые чувства, не смог оставить её на произвол судьбы. Он честно исполнил свой долг и, когда пришло время, похоронил бабушку на дальнем городском кладбище. И каково же было удивление, когда оказалось, что по завещанию, составленному умершей, ему досталась в наследство принадлежащая ей квартира. Располагалась она неподалёку от университета, в котором молодой человек изучал политэкономия.

Было это давно, почти тридцать лет назад. Это время пришлось на перестройку общества, на переход от социалистического образа жизни к иному, капиталистическому, причём, в самом худшем его варианте, который ближе всего характеризовало определение «дикий». Удивительно быстро произошли переоценка моральных ценностей, передел собственности и расслоение общества на бедных, не очень бедных, которых оказалось подавляющее большинство, и богатых. Он не смог вовремя сориентироваться в происходящих на его глазах событиях и, оставаясь в университете доцентом с начальной учёной степенью, попал в итоге во вторую категорию.

Шло время, и человек приспособился к действительности. Изменилось отношение студентов к процессу обучения, изменились и сами студенты. Они стали более инфантильными, без ясно выраженной цели в жизни. Большой частью это коснулось, как ни странно, мужской части студенческой молодёжи. Девушки же были более настойчивы, лучше образованы, с более чётко сформированными идеалами. Появилось понятие «решить вопрос» оценки знаний. Решался он с помощью денег. Таким образом, оказалось, что если отстраниться от понятия «совесть», то жить можно даже в этих условиях, когда зарплата преподавателя вуза стала сравнима с зарплатой уборщицы в офисе хорошей компании.

Человек, назовём его Доцент, так и не завёл семью, считая, что не может позволить взять на себя такую ответственность в условиях постоянного дефицита денег и отсутствия перспектив. Женщины не без оснований считали его привлекательным партнёром и периодически появлялись в его жизни. Даже сейчас, когда ему перевалило за пятьдесят, он выгля-

дел лет на десять моложе, был по-мужски хорош, обаятелен, мог красиво ухаживать. Ранняя седина его совершенно не портила, а скорее даже придавала определённый шарм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.